Обложка к сборнику стихов И. Франко работы народного художника СССР В. Касияна, изданному Гослитиздатом Украины.

НАШ ФРАНКО

Леонид НОВИЧЕНКО

Когда думаешь об Иване Франко, на ум приходит прежде всего мысль о том, как ярко и щедро выразилась в нем духовная сила народа, который вспоил и вскормил его соками своей могучей души.

Сама биография Франко стоит в ряду героических биографий таких людей, как Ломоносов, Шевченко, Горький. В историю мировой культуры Франко входит как одна из самых выдающихся фигур, краснеречиво доказавших право угнетенных народных «низов» на всестороннее культурное творчество, и доказавших это право еще в ту эпоху, когда оно было отнято у них господствующими классами.

На вершины культуры Франко пришел из деревенской кузницы, где у примитивного горна трудился его отец. Преодолев неисчислимые препятствия, этот «хлопский сын» стал одним из духовных светочей своей эпохи — гениальным писателем, глубоким и оригинальным мыслителем, передовым общественным деятелем, крупным ученым. И огонь отцовской кузницы, по собственному признанию автора «Каменоломов», неугасимо горел в его душе всю жизнь.

Непоколебимая, глубоко осознанная верность народу, угнетенной трудовой массе, чувство постоянной ответственности перед ней — одна из самых благородных черт облика Ивана Франко. «Как сын украинского крестьянина, вскормленный черным крестьянским хлебом, трудом твердых крестьянских рук, чувствую себя обязанным барщиной всей жизни отработать те гроши, которые выдала крестьянская рука для того, чтобы я мог вскарабкаться на высоту, где виден свет, где пахнет свобода, где сияют всечеловеческие идеалы», — писал он в статье «Кое-что о себе самом». Эти гордые и страстные слова, сами по себе достойные лирического шедевра, были не просто словами, — за ними стояло дело, дело всей жизни великого писателя.

Только человек, чувствующий кровную, нерасторжимую связь с народом, только пламенный революционер-демократ, каким был Франко, мог так до конца отдать себя неутомимому труду и бесстрашной борьбе во имя счастья трудящихся. Труд и борьба — в жизни Франко они были неразлучны и беспрерывны. Без малейшей рисовки и преувеличения он мог сказать о себе: «житя военним табором тяглося».

Всякая реакция — политическая, идейная, литературная — имела в лице Франко своего непримиримого врага. Австрийские чиновники, польская шляхта, верховоды католической и униатской церкви, украинские буржуазные националисты, агенты русского царизма в Галиции — реакционные «москвофилы», — со всеми этими недругами трудового народа он воевал бескомпромиссно и неустанно. Особенно упорной была его борьба с украинскими буржуазными карьеристами, дельцами и политиканами, прикрывавшимися «национальным» флагом. Горячий патриот, бесстрашный защитник национальных прав угнетенного украинского народа, Франко в то же время глубоко понимал, что никогда не сможет быть свободным и счастливым тот народ, который хоть на миг примирится с эксплуатацией и реакцией по причине того, что они — «свои», «родные», говорящие «по-нашему»... То, что сделал Франко для воспитания трудящихся масс Украины, украинской демократической интеллигенции в четком осознании этой истины, имеет значение действительно фундаментальное.

Бешеной ненавистью платил ему весь буржуазно-мещанский лагерь. Его преследовали, на него клеветали, его арестовывали, его оставляли без куска хлеба... Крупнейшего ученого, глубокого знатока родной и мировой литературы, его скандальным образом не допустили на кафедру Львовского университета. Франко все это выдержал не согнувшись.

Подвижником духа предстает перед нами великий писатель и в своих идейных исканиях. Говоря на эту тему, следует помнить, чем была тогдашняя Галичина — отсталая провинция австрийской империи, где только начиналось рабочее движение, где не очень широки и сильны были кадры демократической интеллигенции, где украинская литература и искусство, несмотря на наличие отдельных талантов, носили все признаки затянувшегося, унылого детства... Воспитанный на идеях Шевченко, Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, на духовных и художественных богатствах западноевропейских литератур, Франко вошел в эту среду великаном. В молодые годы он знакомится с трудами Маркса и Энгельса, ведет активную социалистическую пропаганду. Марксистом Франко не стал, но несомненное воздействие марксистских идей дало могучие крылья всему его творчеству. Боевой революционный демократизм писателя весь окрашен социалистическими устремлениями, весь проникнут стройной верой в победу социалистического правопорядка, хотя Франко сам признавал, что он — «социалист по симпатии», далекий от глубокого понимания научного социализма.

Случалось, что Франко оступался, терпел поражения в своих поисках наиболее правильного пути служения народу, — на его примере особенно наглядно видно глубокое содержание ленинских слов о том, что марксизм был **выстрадан** нашими народами. Но никогда Франко не изменял общей демократической направленности своего творчества, никогда, даже на короткое время, его не мог признать «своим» лагерь грушевских, барвинских и сембратовичей. Духовные искания его в целом величественны и героичны, хоть в них подчас и появлялся трагический элемент. Путь каменоломов, дробящих вековую скалу гнета и неправды, путь Древоруба — героя одного из его рассказов, вырубавшего густой лес, который заграждает путь человечества к солнцу, Иван Франко прошел как подлинный народный богатырь.

Всей своей деятельностью великий писатель крепил дружбу двух братских народов — русского и украинского. Передовая русская литература была наряду с литературой украинской его духовной родиной: недаром он от имени всего передового украинства говорил: да, мы все русофилы. Две России — Россию царскую, буржуазно-помещичью, и Россию народную, демократическую — он всегда различал с замечательной, бесконечно поучительной ясностью.

Необходимость единения с демократической и социалистической Россией, высокую благотворность русского культурного влияния Иван Франко неизменно отстаивал в борьбе с националистическими политиканами, верой и правдой служившими интересам царской Австрии. И когда сегодня некоторые «украинские» газетки за океаном, издаваемые буржуазными националистами, пытаются представить дело так, что Франко, мол, любил Австрию (Австрию «вообще») и не любил Россию (Россию «вообще»), как это, например, утверждает, пускаясь в явно жульнические махинации, газета «Новий шлях», то им можно ответить словами самого поэта:

Наплюй! Я, синку, ліпше знаю
Всю ту патріотичну зграю
И ціну її любовних фраз...

***

Художественное, литературно-критическое, публицистическое и научное творчество Ивана Франко почти необозримо, по крайней мере, в рамках любой статьи. Удивляешься не только неиссякаемой энергии и творческой щедрости писателя, но и феноменальному многообразию родов, жанров, планов, масштабов и манер, в которых работал этот неукротимый труженик. Он и поэт, и прозаик, и драматург, и сатирик. И во всех этих родах оставил он свои шедевры, входящие в золотой фонд украинской и мировой литературной классики. А какой он всеобъемлющий, как богат интеллектуально и художественно в любой области своего творчества этот суровый боец, непреклонный поборник реалистического и гражданского, тенденциозного искусства! Тем, кто склонен сознательно или несознательно противопоставлять друг другу понятия идейности и богатства искусства, гражданственности и художественности, — пример Франко еще и еще раз показывает, насколько они неправы.

Вот его поэзия. Страшно различны между собой уже отдельные сборники: боевая, полная молодого кипения и беззаветного, хочется сказать революционного рыцарства книга «С вершин и низин»; бесконечно интимная, горестная, скорбная и нежная лирика «Увядших листьев»; философско-поучающий «Мой Измарагд», книга полемик и иносказаний, где силой страдающей и все же по-прежнему острой и смелой мысли поэта оживлены такие, казалось бы, устаревшие и наивные формы, как притчи, апологи, «поучения». И все это вместе с тем — единый живой Франко, поэт, умевший затрагивать самые различные струны сердца человеческого! Он был автором «Тюремных сонетов» — этого смелого и своеобразного вклада украинской поэзии в мировое искусство сонета, — и безыскусственных песен в фольклорном духе; автором философских поэм типа «Моисей» или «Смерть Каина», в которых разрабатывались темы и сюжеты, имеющие за собой многовековую мировую традицию, и злободневных сатирических памфлетов и фельетонов, как «Осы» или «Дума про Наума Безумовича». Совершенно поражающе искусство поэта-бойца в области «кинжальной» стихотворной полемики, полной вместе с тем глубокого общепоэтического и философского смысла, — достаточно вспомнить его знаменитые стихи, «Декадент» (В. Щурату), «Седоглавому», «Посвящение Миколе Вороному», «О. Лунатику». А в то же время, кто не восхищался Франко — автором прекрасных лирических раздумий, которые он иногда называл рефлексиями, Франко — создателем реалистически полнокровных «Галицких картинок», Франко — певцом любви и нестерпимой любовной муки!

Своей бесконечной человеческой многогранностью, сердечностью, мудростью и простотой этот поэт, сколько его ни перечитываешь, вызывает неизменно одно и то же чувство: его просто любишь и не можешь не любить... Очевидно, это и есть первый признак той большой, настоящей поэзии, которая воспламеняет сердца народов и поколений.

Нельзя не отметить и еще одно важное качество франковской поэзии: это поэзия острого внутреннего смысла, поэзия подвижной и вечно работающей мысли. Стихи его почти всегда сюжетны — не столько по наличию в них фабулы, сколько по внутренней «диалектике чувств», по тонкой и логически заостренной организации всего материала. Внутренняя «модель», по которой они сделаны, — это модель, если можно так сказать, народного красноречия, которое всегда предполагает прозрачную ясность и убедительное остроумие всего замысла. Псевдолирическая пустота, темнота и вялость мысли (которые, к слову сказать, можно встретить в иных произведениях современных украинских поэтов) были для него нестерпимы. В «голую эмоцию», в силу пресловутой лирической «стихии», не вооруженной глубокими идеями и точным знанием живой действительности, Франко верил мало и беспощадно высмеивал всякое псевдоэмоциональное плоскомыслие и безмыслие, хотя бы оно и было облечено в самые «трогательные» по внешности формы. Мужицкий демократизм, сидевший в нем, требовал и от поэзии прежде всего «дела», а не просто «слова», при всем том, что искусство было для него немыслимо без живой полноты не только мысли, но и чувств.

Широк и многообразен Франко и в своей художественной прозе. Здесь с особой яркостью проявляется, насколько неуклонно писатель следовал своей собственной заповеди — о жизни, как единственном эстетическом кодексе: «Что она свяжет — то и будет связано, а что она развяжет — то и будет развязано». Автор повести «Борислав смеется» любил жизнь, любил, как художник, ее сложную пестроту и одновременно целостность. Литература для него была знанием о народе столько же, сколько и знанием об отдельном человеке; говоря современными словами, задачи «человековедения» и «народоведения» для него были нераздельны. Движимый революционными, социалистическими идеалами, Франко-прозаик главное свое внимание уделяет изображению народной среды, показывая сложные социальные процессы, происходящие в ней. Пожалуй, ни у одного украинского прозаика конца XIX — начала XX века мы не найдем такого широкого и детального «разреза» в изображении жизни своего народа, своей страны, как у Ивана Франко. Социальное, психологическое, профессиональное и всякое иное богатство человеческих типов и характеров здесь чрезвычайно.

Современный исследователь А. И. Белецкий делит прозу Ивана Франко на восемь или девять больших тематических циклов, каждый из которых говорит о том, как пытливо и проникновенно читал писатель книгу жизни. Действующими лицами наиболее известных его рассказов, повестей и романов были: крестьяне, жизнь которых показана в их недавнем прошлом — при крепостном праве, в период революции 1848 года и в годы современного писателю «пореформенного» разорения; люди Бориславских нефтяных промыслов — вчерашние пастухи и хлеборобы, переживающие мучительный процесс превращения в новый класс — пролетариев, и те, кто воплощает власть капитала, — предприниматели.

Но это лишь два главных тематических пласта. За ними идут циклы произведений, в которых великий реалист и гуманист изображает «людей дна», рассказывает о детях и подростках (потрясающая сила многих из этих рассказов общеизвестна), пишет о судьбах, духовных и нравственных исканиях галицийской интеллигенции, попутно затрагивая удушливый и сложный быт полумещанских и мещанских слоев. А кроме всего этого, — обширное поле франковской сатирической прозы, историческая и вместе с тем «социально-программная» романтическая повесть «Захар Беркут», близкие к стихотворениям в прозе рассказы, аллегорические и символические (типа «Древоруба»), и прочее.

И вся эта богатейшая галерея образов дана художником прежде всего и преимущественно в социальном разрезе, с открытым проявлением авторских симпатий и антипатий, потому что, как прекрасно сказал в свое время М. Коцюбинский, люди у Франко «делятся на два лагеря — на угнетателей, против которых он острит, как меч, свое слово, и угнетенных, которым он отдает свое сердце». При этом в его произведениях все блещет и переливается живыми художественными красками; по словам того же Коцюбинского, в прозе Франко (исключая отдельные повести, в которых Коцюбинский видел и страницы малоудачные, написанные наспех) «рассыпаны, как и в природе, великолепные картины, ясные, светлые, полные солнца, воздуха и красок пейзажи, проходят живые люди, ярко нарисованные, в свете тонкого психологического анализа».

Разнообразием тематики и вдумчивыми новаторскими поисками примечательна и драматургия Франко. Зрителям Советского Союза и зарубежных стран хорошо известен такой его шедевр, как «Украденное счастье», пьеса, в которой достигнуто замечательное единство бытового, психологического и философского планов. Но ждут еще своего проникновенного сценического раскрытия и «Сон князя Святослава», и «Рябина», и «Учитель», и многие другие творения Франко-драматурга.

Оценивая то, что сделал Франко в поэзии, прозе и драматургии, мы можем говорить о широком, выходящем далеко за пределы украинской литературы значении лучших его образов и мотивов. Когда перечитываешь, например, его первую книгу стихов — обжигающие своим революционным пафосом «С вершин и низин» (1887 г.), не можешь освободиться от мысли, что историки литературы все еще не сказали об этих произведениях достойного слова, не прочитали их в контексте мировой поэзии и мировых событий того времени.

Конечно, конкретные импульсы, породившие то или иное стихотворение, были самыми разнообразными. Франко, например, говорил, что первый толчок к созданию «Каменоломов» ему дало зрелище тяжелого труда нескольких рабочих. Но вслушайтесь в эти гордые, железные ритмы, звучащие в «Каменоломах», в «Вечном революционере», в «Беркуте» и в «Веснянках», присмотритесь, какой естественной и свободной жизнью живет в этих стихах **новый лирический герой** — радостное и боевое «мы», коллектив, «громада» борцов за счастливое будущее народов, как наполняет всю книгу пафос революционного движения к ясным общечеловеческим целям, пусть даже движения, еще полного трагических жертв и далекого от заветных берегов.

Стихотворение «Товарищам из тюрьмы» (с подзаголовком «На заре социалистической пропаганды»), написанное в 1878 году, уже сравнивали по ряду сторон его содержания с «Интернационалом» Э. Потье. Но ведь и вся первая поэтическая книга Ивана Франко — это одно из самых бодрых и вдохновенных слов в честь борьбы за социалистическое будущее, сказанных европейской поэзией того времени. И если попытаться определить главный пафос книги «С вершин и низин», то можно было бы сказать: это — поэзия **социалистического пробуждения** трудового человечества, поэзия, полным голосом приветствующая наступление великой эпохи социальных битв и потрясений.

Гримить! Благодатна пора наступає.
Природу розкішная дрож пронимає.
Жде спрагла земля плодотворної зливи,
І вітер над нею гуляє бурхливий,
І з заходу темная хмара летить —
Гримить!

Гримить! Тайна дрож пронимає
народи, —
Мабуть, благодатная хвиля надходить...
Мільйони чекають щасливої зміни,
Ті хмари — плідної будущини тіни,
Що людськість, мов красна весна,
обновить...
Гримить!

Повесть «Борислав смеется» (1881 г.) может быть названа явлением такого же принципиального значения в современной Франко литературе. Как показали уже сделанные сопоставления (с «Мари Бартон» Э. Гаскелл, «Тяжелыми временами» Ч. Диккенса и другими произведениями), это одно из первых в мировой прозе полотен, отразивших не только тяжелое положение пролетариата, но и пробуждение его к классовой борьбе против капиталистов.

В 1888 году Ф. Энгельс написал свое известное письмо писательнице М. Гаркнесс. Оценивая ее рассказ «Городская девушка», Энгельс видел недостаточную реалистичность его в том, что «рабочий класс фигурирует как пассивная масса, не способная помочь себе, не делающая даже никаких попыток и усилий к тому, чтобы помочь себе... Революционный отпор рабочего класса угнетающей среде, которая его окружает, его судорожные попытки, полусознательные или сознательные, добиться своих человеческих прав вписаны в историю и должны поэтому занять свое место в области реализма».

Заслуга Франко в том, что он один из первых среди художников слова сделал достоянием реалистического искусства то, о чем писал Энгельс, — начало (в данном случае еще «полусознательное») классовой борьбы рабочих масс за свое освобождение от гнета капитализма.

Франко был замечательным художником-гражданином в высоком и величественном значении этого слова. Как и на примерах Некрасова, Горького, Маяковского, на примере Франко можно видеть, что передовые идеи и «тенденции» нисколько не обедняют, а, напротив, неизмеримо **обогащают** искусство художника. Для украинских писателей — да только ли для украинских? — творчество Франко было и остается прекрасной школой высокой гражданственности писателя, народности и реализма. В течение ряда десятилетий писатель-демократ вел неутомимую и последовательную борьбу против всяких проявлений декаданса, формализма, мещанской безыдейности, откликаясь в этом, как и во многих других отношениях, на явления не только украинской, но и ряда зарубежных литератур — польской, чешской, немецкой, французской, английской. Категорически отвергая всяческие призывы к «чистому искусству», Франко высказывал — и всем своим творчеством убедительно подтверждал, — что литература, «как и современная наука, должна быть труженицей на ниве человеческого прогресса».

Любые попытки увести литературу в сторону от общественных вопросов, от борьбы между силами прогресса и реакции вызывали у него решительный протест и отпор.

«Литература, стоящая над партиями, — отвечал он эстетствующим чистоплюям, — это только ваш сон, это ваша фантазия, а на деле такой литературы не было никогда».

Традиции Франко, его творческие заветы живут в украинской и всей многонациональной советской литературе, в творчестве всех прогрессивных писателей мира. В торжественные дни столетия Ивана Франко народы всех стран воздают дань любви и уважения гениальному сыну украинского народа, вдохновенному певцу свободы и прогресса.

Чолом тобі, великий Каменяр!

Каменоломы

Я видел странный сон. Казалось, предо мною
Необозримые раскинулись края,
А я стою в цепях над площадью глухою,
Под высочайшею гранитною скалою,
И рядом тысячи похожих на меня.

И каждое чело невзгоды жизни взрыли,
У каждого в глазах огонь любви горит,
И каждого из нас оковами сдавили,
И плечи мы свои под тяжестью склонили,
И некий страшный груз — один — всех тяготит.

У каждого в руках железный тяжкий молот,
И голос прогремел, как будто гром в горах:
«Врубайтесь в горный склон! Да не смутит вас голод,
И жажда, и труды, и душный зной, и холод!
Дано вам превратить скалу вот эту в прах!»

Мы все тогда слились как бы в одном дыханьи,
Взлетели молоты, раздался грозный стон;
Отчаяньем сильны, гранит железом раня,
Мы с тысячи сторон его дробили грани,
И камни брызнули на тысячи сторон.

Как водопада рев, как гул и клики боя,
Так наши молоты гремели каждый раз;
Мы медленно вели дорогу пред собою.
Хоть не один из нас раздавлен был горою,
Но удержать ничто уже не смело нас.

И каждый твердо знал, что славы нам не будет,
Что люди предадут забвенью страшный труд,
Что лишь тогда пройдут дорогой этой люди,
Когда сквозь скалы путь пробьют им наши груди
И наши кости здесь, среди камней, сгниют.

Но не герои мы, и ни в какие годы
За славой не гнались. Один лишь зная гнет,
По воле собственной оковы и невзгоды
Мы сами выбрали — невольники свободы:
Каменоломы там, где к правде путь пройдет.

И всем нам верилось, что нашими руками
Мы разобьем скалу и камни раздробим;
Что кровью собственной, своими костяками
Дорогу укрепим и в новый день за нами
Иная жизнь придет и станет свет иным.

Мы знали хорошо, что там, на дальнем свете,
Который мы навек покинули для мук,
Горюют об отцах и матери, и дети,
Что недруг нас клянет за труд и мысли эти,
Что нас за них клянет и самый близкий друг.

Мы знали, и не раз душа у нас болела,
В тоске сжималась грудь, и сердце страх терзал,
Но раны жгучие измученного тела,
Но смех и клевета не помешали делу,
И молота никто из рук не выпускал.

Вот так мы все идем, в одно мечтою слиты,
А молоты в руках, и думается нам:
Пускай мы прокляты и светом позабыты,
Но мы дробим скалу, готовя путь открытый
Счастливцам, что пройдут по нашим костякам.

1878

Перевод Н. УШАКОВА

* * *

Кусок железа с неизменной силой
Другой кусок железа привлекает,
Но эту силу — не покой бескрылый,
Лишь неустанный опыт укрепляет.

А если ржавчиной его покрыло,
В бездействии всю мощь оно теряет, —
Так сердце, ржавчиной тоски унылой
Покрытое, само себя съедает.

Лишь труд стирает ржавчину густую,
Живую жизнь вдыхает в грудь пустую,
Родник иссохший может возродить.

Лишь труд упорный силы укрепляет,
Лишь труд вселенную перерождает,
В труде лишь, для труда лишь стоит жить!

1880

Перевод Б. ТУРГАНОВА

Декадент

В. Щурату

Я декадент? Вот это вправду ново!
Подметил ты всего один момент
И, модное найдя, пустое слово,
Провозгласил: «Смотрите, декадент!»

Да, в этих песнях — боль, печаль, забота,
Так жизнь сошлась, дорога ведь крута.
Но есть в них, братец, и другая нота:
Надежда, воля, светлая мечта.

Я не терплю печалиться без цели,
Бесплодно слушать, как звенит в ушах;
Пока я жив, я жить хочу на деле,
Борьба за жизнь меня не вгонит в страх.

Нередко хрен с горчицей я глотаю,
Не раз и прел, и хрипнул я, и стыл,
А все-таки изжогой не страдаю,
Катар кишок покуда не добыл.

Какой я декадент? Я сын народа,
Который рвется к солнцу из берлог.
Мой лозунг: труд, и счастье, и свобода,
Я сам — мужик, пролог, не эпилог.

Я за столом не пропущу стакана,
Зато и в драке — тоже не смолчу,
На жизненном пиру скучать не стану
И в нищете — лица не опущу.

Не паразит я, одуревший с жиру,
Который в будни помнит лишь процент,
А в праздник на «ура» настроит лиру...
Так, черт возьми, — какой я декадент?

1896

Перевод Б. ТУРГАНОВА

Гимн

Вечный революционер —
Дух, зовущий нас к походу
За прогресс, добро, свободу, —
Он — бессмертия пример.
Ни поповские проклятья,
Ни тюремные объятья,
Ни штыки отрядов царских,
Ни разгул плетей жандармских,
Ни шпионы всей земли
В гроб титана не свели!

Он не умер, он живет!
Сотни лет назад рожденный,
Он восстал, освобожденный,
Силой собственной идет.
Он окрепнул, он шагает
В те края, где рассветает,
Словом зычным, как трубою,
Миллионы кличет к бою —
Миллионы вслед за ним:
Голос духа слышен им!

Голос духа слышен всем:
В избах, к нищете привычных,
В грохоте машин фабричных,
Всюду, где тоска и темь.
И, веленью духа внемля,
Горе покидает землю,
Мощь родится и упорство —
Не сгибаться, а бороться,
Пусть потомкам, не себе,
Добывая жизнь в борьбе.

Вечный революционер —
Дух, наука, мысль, свобода, —
Он не прекратит похода,
Неуклонности пример.
Опрокинута плотина,
С места тронулась лавина, —
Где найдется в мире сила,
Чтоб ее остановила,
Чтоб опять свела на нет
Пламенеющий рассвет?

1880

Перевод Б. ТУРГАНОВА

Товарищам из тюрьмы

Рвутся старые наши оковы,
Что привыкли мы в жизни носить:
Расковаться и мысли готовы —
Будем жить, братья, будем мы жить!

Будем жить жизнью новой и полной,
Добрых чувств согреваясь огнем:
По бурливым и сумрачным волнам
Мы к счастливым краям поплывем.

Через волны несчастья и рабства,
Мимо бурь озлобленных речей
В край святой поплывем мы,
где братство
И согласье живут меж людей.

К битвам новым лежит нам дорога —
Не за царство тиранов, царей,
Не за церковь, попов или бога,
Не за власть кровопийц-богачей.

Наша цель — это счастье людское,
Светлый разум без веры в богов,
Братство крепкое и мировое
И свободные труд и любовь!

Нужно твердо в бою нам держаться,
Не смущаясь, что пал первый ряд,
Хоть по трупам вперед продвигаться,
Ни на шаг не ступая назад.

Это бой наш последний! Тут в споре
Человек против зверя встает,
Тут свобода неволю поборет,
«Царство божье» на землю сойдет.

Но просить мы не станем у бога:
«Да придет к нам царство твое!» —
Там молитва плохая подмога,
Где лишь разум крепит бытие.

Даст не бог это царство нам сразу,
Не святые с небес принесут,
Утвердит его властный наш разум,
Наша воля и общий наш труд.

1878

Перевод С. ГОРОДЕЦКОГО

Покой

Что ж, покой — святое дело,
Если мирно день идет;
Кто же в час войны и боя
Стал глашатаем покоя —
Трус или предатель тот.

Если мирные народы
Трудятся, чтоб у природы
Вырвать тайну не одну,
Ту, что свет во тьму вливает, —
Горе тем, кто начинает
Самовольную войну.

Но когда порой рабочей
Вор забраться к нам захочет,
В доме шарить, в кладовой,
Нас имущества лишая,
Цепи нам приготовляя, —
Разве свят тогда покой?

Если, нашу скромность видя,
Дух наш, род наш ненавидя,
Он нас топчет нипочем —
Горе, горе миротворцам,
Тем, кто к топору не рвется,
Не ответствует мечом!

15 июля 1883

Перевод Н. УШАКОВА

***

«Слишком хмуры ваши песни,
Все лишь горе да неволя,
Словно только сорняками
Поросло родное поле.

Черным траурным покровом
Свет небесный вы затмили,
Злобу в сердце человека
И тоску лишь вы открыли.

Зависти пожар зловещий
Человечеству несете,
Вместо радости и счастья
Всех на смертный бой зовете.

Грязью будничной пятная
Чистой красоты святыню,
Вы с небес в кабак швырнули
Музу — светлую богиню!»

Так волнуются эстеты,
Произносят речи злые
И скорбят, что прежних песен
Сохнут воды ключевые.

«Ах, засохло, онемело
Поэтическое слово,
И без нашего участья
Не воскреснет больше снова».

Все гнусавят про красоты
Эстетических канонов,
Лепят и кроят усердно
Мир грядущий из картона.

А ведь жизнь своей дорогой
Мчится, мысли поднимая,
Этим жалобам унылым
И канонам не внимая.

1881

Перевод С. ОЛЕНДЕРА

Издания произведений И. Франко в переводах на языки народов СССР.